

авел Антокольский

ПОЛГОДА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1942 г.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОЛГОДА

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1942

МОЙ СЫН

Не только сын — товарищ по несчастью,
По жизни, слишком рано начатой,
Еще вчера ты был моею частью,
Сегодня стал единственной мечтой.

Единственной! Ты поднят всем народом
Высоко, в грозовые облака.
Мысль о тебе мне стала кислородом,
Хотя меж нами — пол-материка.

Лети. Будь смелым. Каждый лист газетный
Похож на встречу новую с тобой:
В прорывах туч, во мгле передрасветной,
В любом краю, в республике любой.

Будь жадным. Сколько стали не добыто,
Звезд не открыто, книг не прочтено.
Вся лихорадка лагерного быта
Пускай к тебе врывается в окно.

Будь зорким. Завтра кончатся все войны,
Уйдут и схлынут, как тифозный бред.

И снова мир, жилой, зеленый, хвойный,
Очнется, чьей-то нежностью согрет.

Мы повстречались в мировом просторе,
В седой пурге, под проливным дождем.
И в молниях слепящих траекторий
Вновь друг от друга спешных писем ждем.

Ты мог бы стать художником. Но небу
Иною призван доблестью служить.
Лети. Будь счастлив. Если бы ты не был
Самим собою, — я не мог бы жить.

СТРАНИЦА НОВОЙ ИСТОРИИ

В норвежских льдах, в ущельи Фермопил,
На верфях Гавра, в переулках Праги
Мир ненависть к стервятникам копил
И мщенье торопил.

В крови и прахе
Под сапогом фельдфебельским дымилаесь.
Вся Франция. Фашистский феодал,
Своей стране оказывая милость,
Ее крестами кладбищ награждал.
Пока война Европу сотрясала,
Он стаскивал в свою берлогу хлеб,
Железо, нефть, шелка, рогожу, сало.
А все не полон был смердящий склеп.

Был разум обезглавлен иль избит.
Отчаянье в концлагерях скудело.
Вползла зараза мертвенная в быт.
А между тем в Европе то и дело
Прокатывался ропот. Там внизу,
В глубокой шахте, в доке корабельном,

Могильный сон был смешан с колыбельным,
И превращалась тишина в грозу.

Был ранний час, — наверно, лучший в мире,
Начало жизни, песен и труда.
Младенцев кротких матери кормили,
Пылили по степным шляхам стада.
Шла в пионерском лагере зарядка.
Трава тянулась к свету. Дивный рост
Дремучих клубней пестовала грядка.
Пел песенку задумчивую дрозд.
Страна дышала в мирном изобилии,
В сверканьи жизни, песен и труда.

... В то утро раннее враги бомбили
Советские порты и города.
В то утро перешли рубеж их танки,
И там, на пограничном рубеже,
На мирном белорусском полуостанке
В то утро наша кровь лилась уже.
Столпясь у репродукторов, молчали
Народы всех республик и краев,
И голос Молотова был суров,
И он звенел от гнева и печали.
И грозные откликнулись гудки.
И вся в поту, и в дыме, и в мазуте,
Страна вставала, сжавши кулаки.
Как много силы было в той минуте.
Умру ли завтра, проживу ли век,

В Москве, на фронте, на море — повсюду
Я, рядовой советский человек,
Священной той минуты не забуду.
Мы все, закинув головы, могли
Почувствовать, как, задрожав от гула,
Страницу медленно перевернула
История пылающей земли.
Две армии сошлись для рукопашной,
Смертельной схватки. Началась война.
... В то утро раннее в Европе страшной
Кайма зари едва была видна.
Храпел Берлин. В бреду металась Вена,
Закована в кольцо концлагерей,
И где-то в Гамбурге самозабвенно
Сирена выла: нас бомбят, скорей!
И в Бухаресте перерезал вену
Себе и сыну старшему еврей.

Но зарево, растущее с Востока,
Вершины Альп кровавило слегка.
Сквозь гул эфирных волн и мчанье тока
Казалось, что война недалеко.
Париж дышал осадами Бастилий,
В Брюсселе Уленшпигель бил в набат,
В Белграде песни русские гостили,
На Капри Горький подымал ребят.
Не зная, гаркнуть или посторониться,
Шли оккупанты, убыстряя шаг.
Дышала бурей новая страница

Истории. И звон стоял в ушах.
На западе заря не закатилась.
В течение суток не настала ночь.

Тогда на нашем фронте прокатилось:
Мы боремся, чтобы и вам помочь!

ФАШИСТ НЕ ЧЕЛОВЕК

Он ходит, пьет вино, стреляет,
Гуляет с женщиной, орет,
Указ кровавый объявляет,
От пули гибнет в свой черед.

Прошел он страны, горы, реки,
Бомбил дома и хлеб топтал,
Норвежцы помнят, помнят греки
Его грохочущий металл.

Из дикой тьмы средневековья
Явился он в двадцатый век.
Он тварь с гнилой, лиловой кровью.
Он тварь. Но он не человек.

И он сейчас скрестился взором
С народом гордым и живым,
С передовым его дозором,
С постом его сторожевым.

Вот гибельное испытанье
Крапленой карте подлеца!

Уже он ощущает втайне
Начало своего конца,

Уже он слышит где-то рядом
Подпольный свист, подземный вздох,
Кривым окидывая взглядом
Своих же собственных прохожих.

Когда, кровавый головастик,
Он искарежится в пыли,
Сломав последнюю из свастик
Под облегченный гул земли,

Когда и прах его растленный
Бойцы с лица земли сотрут,—
Мир снова будет во вселенной,
Владыкой мира станет труд.

МОСКОВСКАЯ НОЧЬ

Еще раз враги попытались пробиться
Сквозь тучи, на нашу родную Москву.
Проженная сволочь, берлинский убийца
Готовился к факельному торжеству.

Стервятники, жесткие перья топорща,
Крутились вьюном всю короткую ночь,
Несли нам огонь и погибель и порчу, —
Но наши зенитки швырнули их прочь.

Немало, немало их, клювы разинув,
Зарылось в росу подмосковной травы, —
На миг полыхнули румынским бензином,
И вот они — сломаны, сбиты, мертвы.

Вот он — неопасный уже и бескрылый,
Распавшийся в небе на сотню кусков,
Лежит на асфальте, дракон тупорылый, —
Смотрите, товарищи, вот он каков!

И молча товарищи слушают повесть,
Как наши зажали дракона в кольцо.
И к праведной битве, к победе готовясь,
Глядят они гадине прямо в лицо.

НА ЗАПАД

Товарищи летчики! Зорче внимание.
Секунда в воздушном пути дорога.
На Запад, на Запад, туда, где в тумане,
Во мгле распласталась столица врага.
На Запад, на Запад, всей стаей орлиной,
Сквозь тучи, сквозь пламя зенитных преград!
Снесите в подарок ночному Берлину
Расплату за Лондон, Мадрид и Белград.
Залейте огнем нефтяные цистерны,
Взорвите мосты, разбомбите бетон.
Из самого сердца коричневой скверны
Отчаянный, сдавленный вырвите стон.
Сломайте покой генерального штаба,
Швырните в окно ему красный букет,
Чтобы не спалось господам из Гестапо
От визга фугасов и блеска ракет!
Чтоб Геринг затрясся и Геббельс затрясся,
А Гитлер увидел предсмертные сны.
На Запад, друзья! По испытанной трассе!
Вы — первые ласточки нашей весны.

ГЕРМАНСКИМ СОЛДАТАМ

Сдавайтесь!

Прислушайтесь к буре железной.

Бросайте оружие. Оно бесполезно.

Сдавайтесь!

Смотрите, как тяжело и тупо

Ударились оземь германские трупы.

Сдавайтесь!

Смотрите, куда завела вас

Разбойничья ваша, презренная слава.

Сдавайтесь!

А если вы слепы и дикки

И если безумны, как ваши владыки, —

Пеняйте тогда на себя.

Наша сила

Отцов ваших била и дедов косила.

Закружимся вьюгой,

Пройдем ураганом, —

Здесь Родина только одна дорога нам.

Ей жизнью поможем,

Ей смертью послужим.

Бросайте оружие! Сдавайтесь с оружием!

ЧЕРНОМОРСКАЯ БАЛЛАДА

... И когда в Констанце полыхнули
Черные цистерны нефтяные,
На Восток обратно повернули
Наши птицы, соколы стальные.

Лай зениток скоро их достигнул,
Но зарылись в тучи соколята,
Лишь один бомбардировщик вспыхнул
От зенитки вражеской проклятой.

Летчик и радист-стрелок и штурман
Рухнули со вспыхнувшей птицей
И друг с другом, после ночи штурма,
Так и не успели распротиться.

Поглотил их с головами сразу
Жадный зев пучины полунощной,
Только это не конец рассказа —
Бьются с морем, выгребают мощно.

Десять тысяч звезд глаза таращат
На того, кто из пучины выплыл.

Пусть ко дну комбинезоны тащат!
— Победим! — кричат друг другу хрипло.

— Победим! Чур не терять надежды! —
Сбросили тяжелые одежды,
И гремит волна береговая,
Платье нены в клочья разрывая.

В эту ночь крутило их немало.
Злым ознобом плечи изломало,
Острой солью высушило глотку,
Но добыли меж обломков лодку.

Нету планга, чтоб надуть резину.
Ртами надувают. Нет дыханья.
Отдыхают, тяжело рты разинув,
В той румынской бухте, как в лохпанн.

Потянул зюйд-вест. И смелым людям
В руки шанс единственный дается:
— Будет парус. — родину добудем!
— Победим. — И шибче сердце бьется.

И они комбинезоны взяли,
Распоролли рукава и брюки,
Треугольным парусом связали,
И, как мачты, вытянули руки.

Удалось! Крепчает свежий ветер.
Вздудся парус в сторону востока.

Только полдень нестерпимо светел,
Только руки затекли жестоко.

Всею грудью выдохнув усталость,
— Победим! — они друг другу шепчут.
— Сколько миль до родины осталось?
— Тыща миль. — И руки сжали крепче.

Тьма фосфоресцирует миллионом
Юных звезд, рождением вечной жизни.
Вспыхни, жизнь, в сознании воспаленном,
Молнией на полсекунды брызги,

Обмаши хоть проблеском рассвета!
Но у моря, у пучины мудрой
Никакой надежды нет... А где-то
Между тем уже летело утро.

Но оно так призрачно и зыбко,
Так неразлично. И все тише
Бьет волна, укачивает зыбка
Трех своих усталых ребятишек.

.

Странный звук. Откуда он? Откуда,
Вне вниманья их и пониманья,
Слышится возникновенье гуда,
Еле различного в тумане?

Сколько миль до берега родного?
Может быть, и вправду недалеко?

... И привстал один из них и снова
Слышит ровный отдаленный клекот, —

Там, в пучине синего простора,
Ровный клекот сильного мотора.

.

Через полчаса явились трое
В Севастополь, на родную базу.
Так их утро встретило второе.
Но и это не конец рассказа!

Ночь пришла, и в ту же ночь обратно
Вылетели трое, как и прежде,
Бить врага в его берлоге смрадной,
Жечь нефтехранилища в Плоешти.

Победим! Работай без отказа,
Пой, мотор, и отдыха не ведай.
Но и это не конец рассказа...
Пусть же он допишется победой.

ПОСЛАНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Медный всадник над славной рекой,
Старый друг вдохновенья в России,
Встань на вахту с простертой рукой;
Ты России сулил непокой.
Так победу опять принеси ей.

Ты летел сквозь года и века,
Медным топотом время наполнив.
И простертая к морю рука
Только крепла от штормов и молний.

В снежный Выборг в минувшем году
Ты сапером вошел, как бывало.
Ты все тот же, врагам на беду,
Рослый шкипер, моряк у штурвала.

Старый друг наших песен и снов,
Медный Всадник, механик и зодчий,
Стереги ленинградские ночи,
Береги своих верных сынов,
Сделай зорче их зоркие очи.

Чтобы в сумрак и в раннюю рань,
Когда солнцем туман не пропорот,
Никакая бы нечисть и дрянь
Не вползла в удивительный город.

И когда в облаках над Невой
Черный коршун в полночи кружит,
Пусть прожектора снап огневой
Эту птицу во мгле обнаружит,

Пусть зенитчик ударит во мглу,
Вырвет смерть из ночного простора
И к тебе принесет на скалу
Обожженное сердце мотора,

Чтобы крепко зенит заперла
Стая смелых в полете орлином.
Чтобы Кубок Большого Орла
В ту же почку она пролила
Жгучей брагой над черным Берлином!

УРОК ИСТОРИИ

Не в первый раз гремит железом
Рать крестоносцев и громил.
Не в первый раз германцы лезут
На золотой славянский мир.

Они кричали: Drang nach Osten!
И шли, как туча, на восток.
Но на востоке был исхлестан
Смертельной вьюгой их поток.

Мы помним, как над Ледяной Чудью
Великий Новгород и Псков,
Русь отстояв широкой грудью,
Топили крестоносных псов.

И шли под лед они, и тупо
Гремели латами они.
И не всплывали даже трупы
Из посиневшей полыньи.

Мы помним, как в другом столетьи
Для них Грюнвальд могилой стал.

Крестьянской сыромятной плетью
Ян Жижка немцев исхлестал.

И долго в их глазах насытых
Плясал повстанец что ни шаг.
Крепчал и рос хорал гуситов
В германских глухнувших ушах.

Текли сливаясь наши реки,
Нева, Ловать, Шелонь и Мста,
Прошла, как «из Варягов в Греки»,
Молва племен из уст в уста.

Взрослели что ни век Балканы,
Обугленные, как в аду;
А на Карпатах великаны
Хранили эпоса руду.

На меткий выстрел тароваты,
Щедры на партизанский гнев,
Болгары, сербы и хорваты
Шли на костры, не поблднев.

А там шипела в кубках пена.
А там сквозь грозовой раскат
Слилась с мазуркою Шопена
Святая песня баррикад.

И Ярослав Домбровский слышал,
Придя в Париж издадека,

Как с песней той Держинский вышел
В мороз, на площадь ВЧК.

А в переулках деревянных,
На дымных лодзинских дворах
Святые вихри «Варшавянок»
Уже вздымали снежный прах.

Летели дни, и мчались годы...
Сегодня, в грозный час войны,
В час европейской непогоды,
Все знать, все помнить мы должны.

Свобода? — Загнана в подполье.
Честь? — Заперта в концлагерях.
Гнев? — Искажен предсмертной болью.
Любовь? — Растоптана во прах.

Один фельдфебель тупорылый,
Все разбомбив и истребя,
С кривым крестом, с лицом гориллы,
Сверхчеловеком мнит себя.

В утробе танков раскаленных
Добычу прячет он свою,
Он не горюет о миллионах,
Пропавших без вести в бою.

Мотор скрежещет, пьян горючим.
Коньяк болтается в мозгу.

И вот он смят, истерзан, скрючен,
Распластая дохлый на снегу.

Борьба идет по всей Европе
Уже два года, день и ночь.
Народы мщенья час торопят
И жаждут времени помочь.

А время — вещь такого рода,
Что как ни бейся, ни крути,
Но с правой яростью народа
Ему, наверно, по пути!

ВСЕМ, КТО БОРЕТСЯ

Мы шлем привет всем партизанам смелым,
Всем, кто в ночи не дремлет у костра,
Кто на стене тюремной пишет мелом
Святые буквы: «Родина, пора!»

Кто помнит нежность материнских песен,
Родной язык и школьный свой букварь,
Кому весь мир невыносимо тесен,
Пока живет коричневая тварь.

И пусть она стучит прикладом оземь
И пялит оловянные глаза,
Уже домчалась к западу предгрозем
Великая восточная гроза.

На верфях Гдыни, в переулках Праги,
Где скован труд, где еле виден свет,
Везде, везде, в поту, во прахе
Пускай услышат братский наш привет.

Там в сердце мрака, в тесноте Европы,
В глубинных толщах кварцевых пород,

В лесах, где вьются путаные тропы,
Не может согнуть ни один народ.

Да здравствует свобода человека,
Земля его и молодость его!
Да здравствует в жестоких битвах века
Неотвратимой правды торжество!

Мы шлем привет ненадолго сраженным,
Оставленным в подполье, в полной мгле,
Их детям, их товарищам, их женам,
Их муке, их работе, их земле.

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Он писал: «Дорогая жена, я пропал
В этой чертовой страшной войне,
Ровно месяц не мылся, неделю не спал...
Дорогая, молись обо мне!»
Он писал: «Посылаю в подарок браслет
И кавказский каракуль седой.
На каракуле крови запекшейся след.
Надо смыть эту гадость водой».
Он писал: «Нам солгали о силах врага.
Предстоит нам дурная зима.
Нас задушат снега, похоронит пурга.
Дорогá...» — И не кончил письма.
Где-то ухнуло грозно, и рухнул настил.
Вот лежит он, еще не остыл.
Он недолго на нашей земле прогостил.
И письмо не отправлено в тыл.
Не унес он отсюда, насильник и вор,
Ни добычи своей, ни костей.
В ураганном огне прогремел приговор
Сотням тысяч таких же гостей.

**ПОСЛЕ АНТИФАШИСТСКОГО МИТИНГА
МОЛОДЕЖИ в МОСКВЕ 28 СЕНТЯБРЯ 1941 г.**

Юность мира! Людских поколений краса!
Ты слышала их голоса.
Каждый здесь говоривший — твой сверстник
и друг.

Протяни же нам тысячу рук.

Юность мира! В траншеях, на вахтах морей,
За колючками концлагерей,
В партизанских отрядах, в дремучих лесах,
У костров, на ветру, на часах, —

Где бы ты ни была, — отзовись, прокричи
Свой пароль в европейской ночи.
Не отстань от своих, не таись по углам.
Вновь расколот весь мир пополам.

Есть один только враг у тебя на земле, —
Тот, кто душит Европу в петле,
Кто сметает народы, бомбит города,
Враг святого людского труда.

Полыхают фронты, государства горят
Два погибельных года подряд.
Там, где трупы германских дивизий легли,
Там, на пажитях изшей земли,

Вновь решаются судьбы на много веков
Всех народов и материков,
Судьбы школ, судьбы книг, не прочтенных
тобой

Поколение, идущее в бой,
Судьбы новых детей, не зачатых в любви,
Там решаются в муках, в крови.

Юность мира! Мы дышим с тобой заодно.
Нам великое право дано
Прокричать на короткой и длинной волне
Слово правды об этой войне.

Отзовись, отзовись, если хочешь помочь,
Сквозь глухую фашистскую ночь,
Сквозь ночной ураганный огонь батарей,
Отзовись—ради всех матерей,

Ради Родины, ради ее торжества,
Ради жизни, что будет жива
И воспринет, и взглянет в открытую высь, —
Отзовись, отзовись, отзовись!

МОСКВА — ЛОНДОН

11 ноября 1941 г.

Вот Лондон — в оснастке сырых непогод,
В тревогах военных времен.
Он весь оцетинился, — третий уж год, —
И бедами обременен.

Вот город, где с бешеным штормом райка
Сражался Шекспир молодой,
Где Диккенсу юность казалась горька
И Ньютон дружил со звездой.

Таинственный, грозный, седой великан,
Сегодня он с горем знаком.
И с горем Европы от Альп до Балкан
Родным говорит языком.

И вот запирает зенитчик зенит.
Скрещаются прожектора.
И вновь у Вестминстера время звонит
О том, что настала пора.

Пора, молодежь! Начинай, молодежь!
Сегодня в труде и в борьбе

**Ты тысячи тысяч отважных найдешь,
Кто руки протянет тебе.**

**И мы из Москвы посылаем салют,
И ты нам ответ прокричи.
Так два корабля океанские шлют
Друг другу сигналы в ночи.**

**Нас буря не ломит, гроза не берет.
Пусть она спяну орет,
Настанет и нам посмеяться черед,
Победа за нами. Вперед!**

Н О Я Б Р Ъ

Лети, пурга, мети, пурга,
Труби во все рога,
Вали, раскачивай, крути
И с ног сбивай врага!

Чтоб ниже стлался сивый дым
На сотни снежных верст,
Чтоб враг оборвышем худым
К нагой земле примерз!

Чтобы, заиндевав до глаз,
Все тише и мертвей,
Он ждал засады что ни час
В сумятице твоей.

Чтобы на каждый сонный вздох
Откликнулись ему
Лишь трубы дальних поездов
Сквозь фронттовую тьму.

Пуускай он слышит в песне той
Все, что забыл давно,

Весь ужас жизни, прожитой
Так дико и черно.

А если стужа не проймет
Непрошенных гостей,
Пускай их гневный пулемет
Прохватит до костей.

Пускай разбудит их от сна,
Сметая и гоня,
Святая дружная весна
Железа и огня!

ПЕМЦЫ ПОД МОСКВОЙ

Они, трясясь от нетерпенья,
Ползли к еде, к домам, к теплу.
Рты перекошенные, в пене,
Бессильно тыкались во мглу.

Внезапно вскакивали: «Кто там?»
Внезапно вскрикивали: «Хальт!»
Метался но ночным пустотам
Лихой фальцет, осипший альт.

Нигде никто им не ответил.
Казалось, рядом все мертвей
Шуршит в опавших листьях ветер,
Тревожен хруст нагих ветвей.

Сорока попусту болтала.
Был снег, как сахар, бел и тверд.
Дыханье паром вылетало
Из серебристых конских морд.

В награбленную рвань одеты,
Плелись во власти всех стихий

Вдоль изб обугленных. А где-то
Спросонок пели петухи.

Им снился город. Был он страшен
В такой дали, за столько верст,
С машинными зубчатых башен,
В алмазах льда, в рубинах звезд.

Хрустальным инеем сверкая,
Леса качались, как в бреду.
Еще страшна была людская
Привычка к стуже и труду.

Но был им в музыке пурговой
Всего страшней в конце концов
Московский акающий говор
В цепи разведчиков-бойцов.

СОДЕРЖАНИЕ

Мой сын	3
Страница новой истории	5
Фашист не человек	9
Московская ночь	11
На запад	12
Германским солдатам	13
Черноморская баллада	14
Послание в Ленинград	18
Урок истории	20
Всем, кто борется	24
Неоконченное письмо	26
После антифашистского митинга молодежи в Москве 28 сентября 1941 г.	27
Москва — Лондон (11 ноября 1941 г.)	29
Ноябрь	31
Немцы под Москвой	33

Редактор Е. Книпович.

Подписано к печати 7. 3. 42 г. ПФ 663 Зак. № 065.
1¹/₂ печ. листа, 0,8 уч. авт. л. Тираж 10 000, Цена 60 коп.

Отпечатано на книжной ф-ке имени Камилль Якуб.
Казань. Дом печати. 1942 г.

Цена 60 коп.

и